

С.Ж. Бралина

Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова
(saule_bralina@mail.ru)

Универсальная природа текста

В статье рассматривается категория текста в гуманитарных науках. С этой целью анализируются понятия текста в текстологии, языкознании, лингвистике текста, литературоведении, семиотике, культурологии, фольклористике; выявляются их универсальная природа и специфика.

Ключевые слова: текст, контекст, автор, читатель, дискурс, семиотический текст, фольклорный текст.

S.G.Bralina

Universal nature of the text

In the article the category of the text in the humanities sciences are scrutinized. For this purpose concepts of the text in textology, linguistics, text's linguistics, literature criticism, semiotics, cultural science, folklore science are analyzed; their universal nature and specifics are revealed.

Keywords: text, context, author, reader, discours, semiotic text, folklore text

Процессы развития современных гуманитарных наук, обусловленные общими закономерностями роста человеческого познания, выдвинули в качестве определяющих ряд теоретических категорий, носящих общеупотребительный характер. Главной из них по праву является «текст». Многоаспектность этого феномена, его широкая распространенность в лингвистике, литературоведении, философии, эстетике, культурологии и других науках позволяет рассмотреть текст как некую универсалию, в природе которой заложена интеграционная потенция гуманитарного знания.

Актуализация названного термина, его востребованность многими науками, безусловно, не случайны. Это своего рода показатель определенных тенденций в развитии наук, путей их объективации и специализации.

В подтверждение сказанному обратимся к самому термину «текст». Термин «текст» в его онтологическом смысле («ткань, сплетение, соединение») является исключительной прерогативой специальной науки текстологии, изучающей словесный текст (устный и письменный) с точки зрения его возникновения, создания, атрибуции, датировки, каноничности, вариативности и т.д. Для текстолога текст – это существующий в материальной форме предмет (древние письма, рукописи, книги, журналы и т.д.) или услышанный и записанный текст (ручная, аудио-, видеозапись фольклора), подлежащие изучению. В текстологии текст, являясь главным объектом исследования, предстает как бы в «готовом виде», он объективно «равен самому себе», так как познается через свои имманентные признаки. При этом конечной целью литературной текстологии является определение «единственного» в своем роде текста произведения,

выражающего волю автора и предлагаемого читателю. Такой текст условно принято называть «каноническим» [1]. Прикладной характер категории текста в рассматриваемой науке признается самими текстологами: «Под каноническим текстом литературного произведения понимается текст раз и навсегда закрепленный, установленный для всех изданий, твердый, стабильный, обязательный для всех изданий. Установление канонического текста классического произведения нового времени необходимо главным образом в практических целях массовых изданий» [2].

Генетически же текст, безусловно, – результат развития языка, способ реализации его естественных возможностей, позволяющих человеку говорить не отдельными словами и предложениями, а связными и законченными текстами. В доказательство приведем одно из многочисленных определений текста в языкознании: «Текст – объединенная смысловой связностью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» [3]. Лежащий, казалось бы, на поверхности, простой смысл этого постулата (не разрозненные слова, а связанные между собой) тем не менее без устали интерпретируется самими же специалистами в области языка, поскольку само понятие текста в языкознании, а главное, единицы его выражения остаются весьма условными. Хрестоматийным стал прутковский пример: «Бди!».

В процессе выделения из языкознания специальной науки - лингвистики текста, в свою очередь активно использующей методы таких наук, как социолингвистика, психолингвистика, транслингвистика и т.д., текст стал пониматься не просто как последовательное выражение определенной мысли, а как продукт этой мысли, приобретающий самостоятельный статус и организуемый по своим особым законам. В связи с этим в определении текста стали акцентироваться не только смысловой и коммуникативный аспекты, но и ситуативный аспект, обусловленный рядом экстралингвистических факторов. Семантическая сложность и многофункциональность рассматриваемого явления породили многочисленные толкования текста в лингвистике текста, как правило, носящие не дефинитивный, а описательный характер. В качестве показательного примера процитируем «мега-определение» В.В. Красных, в котором текст предстает в 9-ти «ипостасях», приобретающих при этом неопределенный и даже метафорический модус: Текст – это «1) вербальный и знаково зафиксированный (в устной или письменной форме) продукт речемыслительной деятельности; 2) вербально и знаково зафиксированная «реакция» на ситуацию; 3) опосредованное и вербализованное отражение ситуации; 4) речемыслительный продукт, который обладает содержательной завершенностью и информационной самодостаточностью; 5) речемыслительный продукт, который обладает тематическим, структурным и коммуникативным единством; 6) нечто объективно существующее, материальное и поддающееся фиксации с помощью экстралингвистических средств (например, орудий письма, бумаги, аудио-/видео пленки и т.д.); 7) некая особая предикативная единица, если под предикацией понимать вербальный акт, с помощью которого автор интерферирует («вписывает») в окружающую действительность отраженную в его сознании картину мира, результатом чего является изменение объективно существующего реального мира; 8) нечто изменяющее окружающий мир,

экстралингвистическую реальность самим фактом своего существования; 9) с точки зрения формально-содержательной структуры и вычленения в дискурсе, текст есть речевое произведение, которое начинается репликой, не имеющей вербально выраженного стимула, и заканчивается последней вербально выраженной реакцией на стимул (вербальный или невербальный)» [4].

В литературоведении термин «текст» первоначально был идентичен текстологическому своему пониманию, поэтому текстом считалось собственно то, что визуально воспринимается читателем, а именно: слова, фразы, предложения, строки, объединяемые общим понятием язык литературного произведения. Отсюда в литературном произведении стали различать основной текст (само содержание) и побочный текст, включающий компоненты, как бы не входящие в состав самого содержания: заглавие, примечания, эпитафии, посвящения, авторское предисловие, перечень действующих лиц, авторские ремарки, указание даты и места создания произведения. Подобное толкование литературного текста привело к тому, что «текст» стал синонимичен «произведению», а само произведение делилось по существу на два текста (текст-содержание и текст-форма), связь между которыми объяснялась с трудом. Более того, проблема соподчиненности понятий «текст» и «произведение» решалась на уровне не строго научных, а эстетических категорий. Так, одно из определений текста, которое предлагает энциклопедическое издание, гласит: «Текст – выраженная и закреплённая посредством языковых знаков ... чувственно воспринимаемая сторона ... литературного произведения» [5]. Подобная практика, обусловленная слабой теоретической базой, разумеется, негативно сказалась на целостности восприятия литературного произведения, которое стало осмысливаться в «чистом» виде, в отрыве от условий, в которых оно создается и распространяется среди читателей.

В этой связи феноменом, кардинально изменившим текстовую «ситуацию» в литературоведении стало учение М.М. Бахтина о диалогичности литературы и культуры в целом. Понимая текст как «первичную данность... всего гуманитарно-философского мышления», как «высказывание, включенное в речевое общение», ученый утверждал, что смысл текста «в том, что имеет отношение к истине, правде, добру, красоте, истории. Верный своей природе текст осуществляет диалогические отношения: являет собой отклик на предыдущие высказывания и адресацию к духовно-инициативному, творческому отклику на него. <...> Эти отношения личностны, сопряжены с внутренним обогащением людей, с их приобщением к неким смыслам, устремлены к взаимопониманию и единению» [6].

Современное представление о тексте литературного произведения складывается из многих достаточно сложных и неоднозначно трактуемых теоретических категорий: текст и затекстовые связи, текст и контекст, текст и автор, текст и читатель и т.д., способствуя возникновению новых областей знания, таких как – психологии писателя, психологии читателя, библиопсихологии и т.д. Все это, безусловно, расширяет текстовое пространство литературного произведения и выводит его на новые орбиты исследовательской мысли.

На рубеже веков термин «текст» стал активно использоваться в семиотических науках, демонстрируя тем самым свои возможности расширительного толкования. Выйдя за рамки сугубо вербальные, текст стал трактоваться как некая последовательность любых знаковых систем, приводящая в итоге к определенному смыслу. Отсюда можно говорить о наличии несловесных, иконических текстов, воспринимаемых человеком визуально, на слух, например: живопись, реклама, дорожный знак, плакат, сигнал, музыка, жест, обряд, кино, телевидение и т.д.

Семиотическая интерпретация текста стала базовой для функционирования этого термина в области культурологии, аксиологии и теории общения. Так, в культурологии под текстом понимается не любой знаковый комплекс, а самодостаточный, имеющий определенную культурную ценность, независимую от времени его восприятия и самого воспринимающего. В этом случае текст как явление культуры хранится в памяти, воспроизводится и воспринимается многими поколениями людей. Чтобы стать «культурным памятником», авторский или коллективный текст должен обладать некими надситуативными качествами, придающими ему вечный, универсальный смысл, который по необходимости должен быть «прочитан», познан, интерпретирован.

Развивая идеи М.М. Бахтина о диалогичности и консолидирующей силе культурного текста, Ю.М. Лотман стал автором по существу афористического определения культуры как «совокупности текстов или сложно построенного текста». Окончательно придав ему статус вечной истины, он заключает: «Обычное языковое сообщение, удовлетворяющее всем правилам ... , может тем не менее оказаться ложью. Эта возможность для текста исключается. Ложный текст – такое же противоречие в терминах, как ложная клятва, молитва, лживый закон. Это не текст, а разрушение текста» [7].

Безусловно, текст как феномен культуры – широкое и сложное понятие, которое может быть истолковано по-разному, в зависимости от самого понимания культуры (общечеловеческой, национальной, этнической, массовой, субкультуры и т.д.). Важно, что культурная ценность подобных текстов состоит в аккумуляции жизненного и художественного опыта многих поколений. Не случайно именно этот аспект текста становится одним из центральных в исследованиях современного венгерского ученого-культуролога Михая Фрешли [8, 9].

Современное гуманитарное познание в лице постмодернистских (постструктуралистских) концепций Ж. Деррида, Р. Барта, Ю. Кристевой сформировало новое толкование текста. Выдвинув тезис о сплошной текстуализации реальности, «текста без берегов», постмодернисты утвердили «абсолютную тотальность» текста. Все, что окружает человека в этом мире, равно как и сам человек, являются ничем иным, как текстами «книги жизни», которая «читается» каждым из нас. Безусловно, концепции постмодернистов апеллируют к некоему Высшему смыслу, к сущности бытия, тем самым волеизволением приобретая определенный метафорический смысл, трудно приживаемый в научном дискурсе.

Так, рассуждая о сущности произведения и текста, Р. Барт пишет: «Различие здесь вот в чем: произведение есть вещественный фрагмент,

занимающий определенную часть книжного пространства (например, в библиотеке), а Текст – поле методологических операций... <...> ... произведение наглядно, зримо (в книжном магазине, в библиотечном каталоге, в экзаменационной программе), а текст – доказывается, высказывается в соответствии с определенными правилами (или против известных правил). Произведение может поместиться в руке, текст размещается в языке, существует только в дискурсе... <...> *Текст ощущается только в процессе работы, производства.* Отсюда следует, что Текст не может неподвижно застыть (скажем, на книжной полке), он по природе своей должен *сквозь что-то* двигаться...» [10].

Как видим, с приобретением постмодернистским текстом надисторического и надличностного характера, исчезает необходимость в авторе, персонажах, герое, читателе, контексте, которые создают условия «жизни» текста. Отсюда вместо творца-писателя появляется человек пишущий (скриптор), а вместо думающего читателя - «праздный» читатель. Оба принимают текстовую «игру»: первый играет чужими словами (цитатами), другой свободно «прогуливается» по тексту, по-своему его прочитывая и интерпретируя.

Данная концепция текста, вызванная к жизни своеобразным протестом против стереотипности мышления, онтологически восходит к проблемам языка и мышления, области психолингвистики, пытающейся ответить на сложные и довольно запутанные вопросы возникновения человеческой мысли, процессов ее преобразования с мыслительного уровня на языковой, вербальный ее оформления и т.д.

Картина универсальной природы текста будет не полной, если мы не обратимся к специфическому явлению устной культуры – фольклору. Общепринятым является мнение, что художественный текст противопоставлен спонтанной речи, в результате которой возникают разовые тексты, не имеющие в дальнейшем (кроме данной разговорной ситуации) никакой ценности. Они, за редчайшим исключением, не оставляют «след», не сохраняются в памяти потомков, а потому утрачивают всякий смысл. Отсюда делается вывод, что универсальное свойство любого текста – это прежде всего стабильность, неизменяемость, равенство самому себе.

Верность данного постулата, на наш взгляд, относительна, что подтверждается спецификой фольклорного текста. Концептуальная сущность фольклорного текста, его границы, принципы порождения и функционирования по существу только начинают привлекать внимание исследователей. Не ставя перед собой задачи полного освещения данного вопроса и адресуя к некоторым нашим работам [11], отметим, что фольклорный текст в живом своем бытовании – это сложное явление, природа которого восходит, с одной стороны, к законам устной речи, с другой – к традиционному творчеству. Синкретическая основа фольклорного текста, являющегося результатом фольклорного сознания, позволяет говорить о нем как об особом текстовом феномене.

Таким образом, текст как универсальная категория интегрирует и консолидирует усилия многих, в том числе и гуманитарных наук, в поисках собственной идентичности.

Литература:

1. В данной статье мы не рассматриваем проблемы фольклорной текстологии, которая является предметом отдельного исследования. – С.Б.
2. Лихачев Д.С. Текстология (На материале русской литературы X-XVII веков). – М.: Наука, 1983. – С. 498.
3. Николаева Т.М. Текст // Русский язык: Энциклопедия. – М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. – С. 555.
4. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). – М.: Диалог-МГУ, 1998. – С. 198.
5. Литературная энциклопедия терминов и понятий. – М.: НПК «Интелвак», 2003. – Стб. 1063.
6. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 281-285.
7. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПб., 2000. – С.436.
8. Fresli Mihály. Аспекты культурологии: Икона и кино. ISSN: 147-8060 Вестник 2009/23. pp. 104-109.;
9. Kulturális hálózatok. Szombathely, 2015. – pp. 221 (монография) и др.
10. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. – С. 415.
11. Бралина С.Ж. Фольклорный текст как феномен устной культуры // Вестник Карагандинского ун-та. Сер. Филология. – 2004. - № 1. – С. 107-110.; Принципы порождения фольклорного текста // Там же. – 2005. - № 1. – С. 51-54.; The concept of the folklore text // Linguistic issues of conceptualisation and discourse in education: International Collection of Research Papers. – Bratislava, 2014. – P. 6-21.

